

Л. Н. ТОЛСТОЙ И П. П. НИКОЛАЕВ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ XX ВЕКА

© Юрий Прокопчук

LEO TOLSTOY AND PYOTR NIKOLAEV ON SOCIAL AND POLITICAL PROBLEMS OF THE TWENTIETH CENTURY

Yuri Prokopchuk

The research studies the socio-political views of Leo Tolstoy and Pyotr Nikolaev. The article deals with Tolstoy's "prophecies" and predictions, which are reflected in his journalistic articles and diary entries. These works and notes touch upon the events of the Russian history in the 20th century: the beginning of World War I in 1914, the inevitability of social upheavals and changes in Russia in the early 20th century, the feeling of *Fin de siècle*, and the development of militarism along with the emergence of new types of weapons in European countries. We analyze certain features of Tolstoy's perception of international relations, the revolutionary movement, and the socio-economic progress. The article shows the main features of the outlook of Tolstoy's follower, the spiritual monist P. Nikolayev, a philosopher, who denied the material conditionality of social relations, social injustice, and violence as methods of achieving political goals. The article emphasizes the consistency of Tolstoy and Nikolayev's critical attitude to the main events of political history, wars, and revolutions. We reveal the features and essence of the alternative perception of the meaning and goals of the historical development in terms of their world outlook, and the social changes, based on nonviolence and anti-war views.

Keywords: Leo Tolstoy, Pyotr Nikolaev, Russian history of the 20th century, Leo Tolstoy's journalism, spiritual monism, nonviolence, anti-war views.

Работа посвящена изучению общественно-политических воззрений Л. Н. Толстого и П. П. Николаева. Рассматривается вопрос о «пророчествах» и предсказаниях Толстого, получивших отражение в его публицистических статьях, дневниковых записях. В основном они имеют отношение к событиям российской истории XX века: к началу Первой мировой войны в 1914 году, к неизбежности социальных потрясений и изменений в России начала XX века, к ощущению рубежности эпохи, «конца века», к развитию милитаризма, появлению новых видов вооружений в европейских странах. Анализируются некоторые особенности восприятия Толстым международных отношений, революционного движения, а также социально-экономического прогресса. Показаны особенности мировоззрения последователя Толстого – философа, духовного монаста Николаева, отрицавшего исходя из метафизических позиций, из представлений о реальности лишь духовного начала материальную обусловленность общественных отношений, социальную несправедливость и насилие как метод достижения политических целей. Подчеркивается закономерность критического отношения Толстого и Николаева к основным событиям политической истории, войнам и революциям, выявляются особенности и сущность альтернативного – в духе мировоззренческих позиций мыслителей – восприятия смысла и целей исторического развития, общественных изменений, основанных на ненасилии и антивоенных позициях.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, П. П. Николаев, российская история XX века, публицистика Л. Толстого, духовный монизм, ненасилие, антивоенные взгляды.

Так получилось, что многие, подчас даже противоположные по своим убеждениям авторы подчеркивали тесную связь толстовского творчества с революционными изменениями начала XX века. Например, для В. И. Ленина Толстой был «зеркалом русской революции», отразившим в своем творчестве противоречия эпохи, которые и

привели к революционному взрыву, но не завершились победой именно из-за нерешительности восставших масс, склонности к соглашательству и компромиссам – в духе Толстого [Ленин, с. 17–23]; для Н. А. Бердяева Лев Николаевич превратился в того, кто вызывал «духов русской революции» и сам был ими одержим [Бердяев, с. 78–

85], в мыслителя, сильного своими разрушительными тенденциями. Так получилось, что подобные «рефлексии» толстовского творчества в силу некоторых субъективных причин вытеснили саму по себе толстовскую позицию; во всяком случае, надо признать, что оценки Ленина и Бердяева до сих пор господствуют в общественном сознании и намного популярней тех толстовских работ, в которых затрагиваются общественно-политические проблемы начала XX века. В силу этого представления о Толстом как о плохом пророке, не понимавшем и не чувствовавшем общественных изменений, как о мыслителе наивном, не видевшем бездны человеческих пороков и зла утвердилось в обществе.

На самом деле в трудах Толстого мы можем найти немало пророчеств, доказывающих, что яснополянец глубоко чувствовал особенности развития общественных отношений и отдельных государств. Например, в его статье содержится предсказание начала Первой мировой войны, причем сделано оно за двадцать с небольшим лет до кровавой драмы в работе «Христианство и патриотизм». Толстой пишет о русско-французском военном союзе, который впоследствии стал основой Антанты, и замечает, что направлен он против Германии и, следовательно, не имеет ни малейшего отношения к идеям братства народов. Писатель убежден, что последствия этого союза будут самыми плачевными для народов, что он приведет к большой войне, и описывает начало этой войны. Сравнивая современные ему общественно-политические реалии с тем, что было перед началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Толстой пишет:

«То, что делалось в Тулоне и Париже и теперь продолжает делаться в газетах, очевидно, ведет к такому же или еще ужаснейшему бедствию. Точно так же сначала будут под звуки „Боже, царя храни“ и „Марсельезы“ пить разные генералы и министры за Францию, Россию, за разные полки, армии и флоты; будут печатать свое лганье газеты, будет праздная толпа богатых людей, не знающих, куда девать свои силы и время, болтать патриотические речи, раздувая враждебность к Германии, и как бы ни был миролюбив Александр III, сложатся такие обстоятельства, что ему нельзя будет отказаться от войны, которой будут требовать все окружающие его <...>».

Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство. И начнется опять старое, давно известное, ужасное дело. Засуетятся разжигающие людей под видом патриотизма к ненависти и убийству газетчики, радуясь тому, что получают двойной доход. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных припасов, ожидая двойных барышей. Засуетятся <...> чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они

крадут обыкновенно. Засуетятся военные начальства, получающие двойное жалованье и рационы и надеющиеся получить за убийство людей различные высокоценные ими побрякушки – ленты, кресты, галуны, звезды. <...>

И, заглушая в своей душе отчаяние песнями, развратом и водкой, побредут оторванные от мирного труда, от своих жен, матерей, детей – люди, сотни тысяч простых, добрых людей с орудиями убийства в руках туда, куда их погонят. <...>

И опять одичают, остервеенеют, озвереют люди, и уменьшится в мире любовь <...>» [Толстой, т. 39, с. 45–47].

Думается, если привести этот фрагмент без указания на авторство, то каждый, кто знает, что происходило в России в 1914–1917 годах, подумает, будто писал это современник тех событий: уж больно реалистично описан патриотический подъем 1914 года, соответствующие речи и статьи, возбуждающие ненависть к Германии, активность военных поставщиков, воровство чиновников, поддержка войны со стороны церкви, значительные военные потери, озверение людей, впоследствии творивших зверства в годы войны Гражданской... Единственное уточнение – в том, что происходило все это не при Александре III, а при Николае II. Мы видим, что Толстой слишком ясно представлял себе губительные последствия милитаризма, осознавал, к чему идет лишенное христианской любви к ближнему человечество.

Весьма характерна толстовская запись в дневнике от 20 июля 1909 года: «Первая мысль при известии о перелете Ламанша – как применить аэропланы к войне, к убийству» [Толстой, т. 57, с. 97]. Эта запись сделана задолго до появления тех бомбардировщиков, из-за которых в годы Второй мировой войны количество жертв среди мирного населения достигло рекордных показателей и целые города-поселки были стерты с лица земли. Мудрость Толстого состояла в том, что он предвидел страшные последствия военного и технического прогресса (другие авторы в своем большинстве не обращали на них такого внимания, не видели оборотную сторону развития цивилизации). Именно этим объясняется страстный «антипрогрессизм» Толстого, который так удивлял и поражал современников, сравнивавших Льва Николаевича с идеализировавшим первобытное общество Жан-Жак Руссо. На самом деле критика прогресса Толстым намного глубже, она зиждется на взгляде не в прошлое, а в будущее – в то будущее, которое представлялось писателем столь безрадостным при существовании насильственных норм человеческого общежития. Отсюда его стремление подчеркнуть зависимость технического прогресса от

нравственного, отсюда и достаточно крайние по духу выводы о том, что люди не имеют права пользоваться благами цивилизации, обеспечивающими комфорт, поскольку все они в конечном счете употребляют для простого удовлетворения эгоистических потребностей, из-за которых нередко возникают войны [Толстой, т. 36, с. 123]. Как видим, Толстой здесь выступает критиком не столько технического прогресса, сколько нравственного состояния человечества, пафос этого высказывания не в том, что отказаться от обработки железа и стали...

Для публицистики Толстого начала XX века было характерно ощущение рубежности эпохи, представлений о том, что наступил конец существующего строя жизни людей. Эту мысль Толстой неоднократно выражал не только в статьях, но и в частных беседах. Характерны записи слов писателя, сделанные Д. П. Маковицким: «Наша цивилизация – одна из многих, она идет к концу. Надо начинать с нового пути» [Маковицкий, кн. 1, с. 331]. М. С. Сухотину Толстой говорил, что «начинается какая-то новая историческая драма» (цит. по: [Ореханов, с. 262]). При этом «рубежность» понималась Толстым двояко. С одной стороны, Лев Николаевич мечтал об установлении норм христианского общежития людей, о мире, в котором представления о божеской любви были бы основой основ. А с другой – понимал, что волна насилия буквально захлестывает современное ему общество. Эти мотивы сосуществуют в толстовском творчестве.

В публицистике Толстого периода до первой русской революции есть такое противоречивое произведение, как «Солдатская памятка», в которой содержатся призывы отказываться выполнять приказы и не стрелять в народ. Противоречие заключается в том, что солдаты, как военнослужащие, просто вынуждены выполнять приказы начальства. С точки зрения толстовских взглядов, логично выглядели бы призывы к солдатам в первую очередь оставить военную службу, причем они имелись в других толстовских произведениях, однако же в этой статье они не занимают основного места. Сам Лев Николаевич, как бывший офицер, прекрасно знал, что военные должны выполнять приказ, тем не менее обратился к ним с таким призывом, ибо был напуган теми потоками крови, которые могли бы пролиться в результате народных восстаний... Именно это стремление – любой ценой предотвратить страдания и бедствия людей – и было основным стимулом для создания толстовских статей, в которых содержалась критика как правительственных чиновников, так и для революционеров.

Думается, что Толстой не был ни «зеркалом», ни «духом» русской революции, он вообще перенес вопрос о революции в другую плоскость, для него главное – это революция в сознании, революция духовная, в результате которой человек осознает свою истинную сущность.

Как известно, Лев Николаевич затрагивал в своих трудах метафизические вопросы, однако нельзя сказать, что они получили в его произведениях полное и окончательное разрешение. Но в этом направлении активно работал философ, духовный монист Петр Петрович Николаев, разделявший толстовские воззрения (см. подр.: [Прокопчук]). Согласно мнению Николаева, материи не существует, есть лишь жизнь, которая является нематериальной, духовной и которую мы представляем себе в виде материальных образов из-за несовершенного сознания. В своих трудах Николаев занят в основном гносеологическими вопросами, он исследует особенности нашего сознания, мировосприятия, там мы редко можем встретить четкое изложение политических и социальных взглядов. Но иногда Петр Петрович упоминает о них в начале своих сочинений, когда речь идет об идейном обосновании книги.

Так, в предисловии к «Исследованию нашего сознания» Николаев писал, что появление труда, главная цель которого заключается в изучении сознания и замене догматических церковных представлений религией доброго человеческого разума, не может считаться несовременным. Ибо он может способствовать внутренним изменениям личности, что является предпосылкой общественных изменений [Николаев, 1929, с. VI, предисловие]. Мировоззренческую эволюцию людей от материализма к спиритуалистическому идеализму Николаев воспринимал как средство улучшения жизни людей [Николаев, 1929, с. XVI, предисловие]. Этот путь – от философии к изменению жизни – считался им очень важным. Именно в этом мыслитель и видел значение своих работ. Человеку, по его убеждению, необходимо с ясностью осознать, что его жизнь на земле как «плотское», «животное» существование кратковременно, и этим она напоминает недолго длящийся сон; смерть же человека (поскольку он существо конечное) знаменует собой прекращение сна и переход души в некое иное состояние; отсюда крайне важным представляется очищение души от всего эгоистического, мелкого, суетливого, низкого, от тех «страстей», которые разрушают духовный мир, лишают натуру качества высокой цельности и полноты [Николаев, 1929, с. XIX, предисловие]. Духовный монизм, согласно Николаеву, должен убедить людей в

том, что тело не существует и о нем беспокоиться не надо. Если человек примет эту истину, он не будет воспринимать жизнь как нечто конечное, исчезающее вместе с разрушением, умиранием, разложением плоти; это приведет к тому, что человек наконец перестанет притеснять, ненавидеть и тем более насилловать других ради сохранения собственной временной телесной оболочки [Николаев, 1929, с. XX, предисловие].

Похожие мысли Николаев отразил в предисловии к конспекту «Понятия о Боге» – в книге «Современные бедствия. Бессилие церкви, науки и политики. Разумное религиозное понятие о жизни». Там философ писал, что разбираемые в книге вопросы не являются отвлеченными, что только при уяснении этих вопросов может проявиться нравственное сознание людей и улучшаться их жизнь [Николаев, Б. г., с. 5]. Петр Петрович отмечал, что отказ от борьбы за материальный достаток не только не приводит к голоду, – наоборот, люди потому голодают, что пытаются вырвать друг у друга все низменно-жизненные блага с помощью насилия, порабощения, жестоких войн и не менее жестоких революционных переворотов [Николаев, Б. г., с. 11]¹. Вполне в духе Толстого Николаев пишет о главной ошибке социалистов – о стремлении насильем изменить жизнь к лучшему и добиться материальных благ, что не может принести ничего, кроме бедствий [Николаев, Б. г., с. 13–14].

Столь же резкой была критика социалистических, коммунистических идей и большевистской революции, данная Николаевым в статье «Ответы, даваемые духовно-монистическим учением на вопрос о всеобщем мире» [ОР РГБ, ф. 358 (Рубакин Н. А.), картон 409, ед. хр. 4]. Там философ писал о том, что намерения социализма и большевизма (большевизм трактуется им как идеологически высший этап в развитии социализма) сделать человеческую жизнь мирной, устроенной на основаниях любви и братства, никогда не осуществится, ибо это находится в разительном противоречии с материалистической природой данных учений, что опыт обретения материального благополучия поставлен в них выше любви и добра, выше жалости и сострадания – словом, всего того, что связано с областью нравственного чувства: конечным результатом,

итогом практического применения этих идеологических установок станет ненависть и кровавая борьба. Николаев подчеркивал, что явным доказательством правоты его мыслей является русская коммунистическая революция, точнее – религиозный коммунизм. Он стал следствием презрения к материальным благам: его адепты вполне свободно отказывались от эгоистичных благ ради общей пользы. Социалистический коммунизм, наоборот, был основан на том, что материальное начало – это самое главное в жизни и что достатка в материальном смысле слова надо добиваться всеми способами, даже если они сопряжены с насилием и убийствами [Там же, л. 2–3]. Именно духовный монизм, согласно Николаеву, является рецептом решения всех общественно-политических проблем. Николаев призывал объединяться в любви, в движении к совершенству, пусть оно и недостижаемо; человек должен, по его мнению, приближаться к жизни духовной, то есть чистой, легкой, свободной от низких «телесных образов», вообще от материи с ее неимоверной тяжестью [Там же, л. 7].

Безусловно, влияние Толстого на общественно-политические взгляды Николаева было очень велико, многие толстовские воззрения философ разделял, поэтому просто не считал нужным повторять то, что неоднократно выразил в своих сочинениях яснополянец. Но иногда он, используя чисто толстовские аргументы, пытался оценить те или иные исторические события.

1925 год – юбилейная дата декабристского движения, которая отмечалась как в СССР, так и за рубежом. К этому юбилею Николаев решил опубликовать записки своего деда, участника подавления декабристского движения на юге, которые хранились в его личном архиве. Подготовив записки к публикации, философ написал к ним вступительную статью, в которой почти как Лев Толстой осуждал всех участников столкновения. Вот некоторые фрагменты этого предисловия:

«Декабристы, как и огромное большинство людей даже и в наше время, не видели, что действительно свободная и братская жизнь людей никак не может вытекать из внешних насильственных переворотов, но что она достигается только путем внутренней нравственной эволюции людей, путем постепенного прояснения их религиозно-нравственного отношения к своей собственной жизни и к жизни всех других людей. Не видя этой основной психологической истины, декабристы ставили себе цель – перекроить жизнь внешним образом, путем введения конституции, а для этого надо было свергнуть старое правительство и захватить власть в свои руки. Для достижения этой цели, которая казалась им очень хорошей, разрешались

¹ Ср. с письмом Николаева к Троицкому от 26 июня 1925 года: «Пока идеал у рабочих идей остается тот же, что и у буржуазии – стремление к материальным благам, никакой действительной перемены в жизни не может быть, могут меняться только названия и чисто внешние формы жизни, которые будут прикрывать все то же прежнее содержание» [РГАЛИ, ф. 2226 (Булгаков В. Ф.), оп. 1, ед. хр. 1137, л. 16, об.].

средства весьма дурные: деятельность не открытая, но скрывающаяся, подпольная агитация, ведущая к междоусобному столкновению набранных из народа войск, кровью которых должна была быть завоевана спасительная конституция или даже республика. Искренно веря, что цель их прекрасна, декабристы самоотверженно рисковали жизнью ради этой цели.

С другой стороны, среди защитников старого строя, к числу которых принадлежал автор записок, по-видимому, были люди искренно верившие, что строй этот есть нечто нормальное и вполне законное, а что деятельность декабристов и подготовка ими вооруженного восстания есть величайшее нравственное заблуждение и бедствие для России. Эти люди искренно верили, что защита существовавшего строя против революционеров есть цель очень высокая и ради этой цели, которую они себе ставили, допускали самые дурные средства: шпионство, предательство, казни и ссылки. В борьбе с революционерами люди эти тоже нередко рисковали своей жизнью; они нередко смутно чувствовали (как, напр., автор записок) безнравственность и жестокость употребляемых ими средств, но неизменно думали, что для достижения хорошей цели допустимы средства самые дурные.

Так думают всегда люди, пока у них нет разумного религиозно-нравственного отношения к своей собственной жизни и к жизни всех других людей, и в этом причина их бедствий в прошлом и в настоящем. И цели, которые люди себе ставят, и средства достижения этих целей одинаково неразумны и безнравственны, и отсюда все их страдания» [ОР РГБ, ф. 358 (Рубакин Н.А.), картон 409, ед. хр. 3, л. 2].

Трудно не уловить здесь чисто толстовские по своей сути пассажи, отрицание всякого насилия и, главное, толстовскую логику, столь характерную для поздних публицистических работ Льва Николаевича.

Данное предисловие, написанное Николаевым, не означает, что Петр Петрович в вопросах политических сохранял полный нейтралитет, не одобряя действия ни сторонников власти, ни ее противников. Например, если говорить о событиях XX века, то целый ряд высказываний Николаева в письмах, адресованных Н. А. Рубакину и М. А. Бетман, содержат резкую критику представителей советской власти.

С язвительной критикой Петр Петрович встретил известие о «философском пароходе» и высылке интеллигенции из советской России. 28 января 1923 года он писал Рубакину о том, что жизнь в России руководят «насилыники и политические хулиганы», что света в конце тоннеля не видно, ибо всех свободно мыслящих и глубоко образованных людей (интеллигентов) в России преследуют и изгоняют, причем высылке подлежат совсем не причастные к какой бы то ни было политической деятельности друзья Льва

Толстого² [ОР РГБ, ф. 358 (Рубакин Н. А.), картон 258, ед. хр. 4, л. 33, об.]. Критика насилия при социалистическом строе содержалась и в письме Николаева к Луначарскому от 12 октября 1924 года [НИА ГМИР, ф. 26 (Молочников В. А.), оп. 1, ед. хр. 202, л. 1, об.].

Мы не можем, конечно, точно предугадать реакцию Льва Толстого на революцию 1917 года и последующие события, но то, что кровь, насилие и братоубийственная война подверглись бы самой суровой критике со стороны «совести человечества», сомнению не подлежит. И представители толстовского движения, в том числе Петр Петрович Николаев, критикуя революционное насилие, вполне выражали толстовскую точку зрения.

Подводя итоги, обозначим конкретные выводы николаевской метафизики, которые неизбежно вытекают из его хода рассуждений о духе и материи. Если материя не является истинным началом жизни, то любая ориентация на нее, на материальные ценности является ложной. Стремление к власти, богатству, всем формам материального преуспевания являются следствием в корне неверных представлений о жизни и должны быть отброшены. Вся цивилизация, построенная на материальном начале, является ложной. Любые стремления сохранить и приумножить материю, любые попытки отождествить себя или свое истинное благо с материальным миром являются ложными. Отсюда и близкая толстовской теории критика общественных институтов, проповедь бессмысленности любых изменений материальной жизни без перемен в сфере духовной. Толстой пришел к этим взглядам как религиозно-нравственный мыслитель, без научного анализа, независимо от рассмотрения вопросов, связанных с познанием мира. Нетрудно убедиться в том, что Николаев и Толстой с разных сторон подошли к решению одной и той же, важной, определяющей для человеческого существования задачи духовного преобразования человечества, которая является достойной альтернативой не только революциям, но и любым политическим изменениям, предпринимаемым без перемен внутренних, в сознании людей.

² Имелся в виду В. Ф. Булгаков, который в 1923 году не по своей воле был вынужден покинуть СССР и уехать в Чехословакию. В. Ф. Булгаков, как известно, был личным секретарем Льва Толстого («помощником»), как предпочитал он называть человека такого рода) в самый последний год жизни писателя. В. Ф. Булгаков – автор знаменитого дневника, в котором описана повседневная жизнь Льва Толстого, его встречи, беседы, прогулки в Ясной Поляне, вплоть до тайного ухода из дома.

Список литературы

Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во МГУ, СП «Ост-вест корпорейшен», 1990. 297 с.

Ленин В. И. О Л. Н. Толстом / сост., послесл. и примеч. С. М. Брейтбурга. М.: Художественная литература, 1969. 192 с.

Маковицкий Д. П. У Толстого (1904–1910). Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1–4. М.: Наука, 1979.

Научно-исследовательский архив Государственного музея истории религии. Ф. 26 (Молочников В. А.).

Николаев П. П. Исследование нашего сознания: духовно-монистическое мировоззрение. Белград: [б. и.], 1929. 432 с.

Николаев П. П. Современные Бедствия: бессилие церкви, науки и политики: разумное религиозное понятие о жизни: краткое изложение сочинения «Понятие о Боге, как Совершенной Основе нашей жизни». Берлин: [б. и.], Б. г. 223 с.

ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 358 (Рубакин Н. А.).

Ореханов Г., прот. Лев Толстой. «Пророк без чести». Хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016. 608 с.

Прокопчук Ю. В. Мировоззрение Л. Н. Толстого и духовно-монистическая философия П. П. Николаева. М.: Оригинал-макет, 2016. 272 с.

РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 2226 (В. Ф. Булгаков).

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. М.; Л.: Художественная литература, 1928–1958.

Berdiaev, N. A. (1990). *Duhi russkoi revoliutsii. V kn.: Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revoliutsii* [Spirits of the Russian Revolution. In: From the Depths. A Collection of Articles about the Russian Revolution]. 297 p. Moscow, izd-vo MGU: SP “Ost-vest korporeishen”. (In Russian)

Lenin, V. I. (1969). *O L. N. Tolstom* [About L. N. Tolstoy] 192 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Makovitskii, D. P. (1979). *U Tolstogo (1904–1910). Iasnopolianskie zapiski* [At Tolstoy’s (1904–1910). Notes from Iasnaia Poliana]. Т. 90. Б. 1–4. Moscow, Literaturnoe nasledstvo. (In Russian)

Nikolaev, P. P. (1929). *Issledovanie nashego soznaniia: (duhovno-monistiches. mirovozzrenie)* [The Study of Our Consciousness: (A Spiritual-Monistic Worldview)]. 432 p. Belgrad. (In Russian)

Nikolaev, P. P. (N. d.). *Sovremennye Bedstviia: Bessilie tserkvi, nauki i politiki: Razum. religioz. poniatie o zhizni: Krat. izlozh. soch. “Poniatie o Boge, kak Sovershennoi Osnove nashei zhizni”* [Modern Disasters: The Impotence of the Church, Science, and Politics: A Reasonable Religious Concept of Life: A Summary of the Essay “The Concept of God as the Perfect Basis of Our Life”]. 223 p. Berlin. (In Russian)

Orekanov, G., archpriest (2016). *Lev Tolstoi. “Prorok bez chesti”: khronika katastrofy* [Leo Tolstoy. “A Prophet with No Honour”: A Chronicle of a Catastrophe]. 608 p. Moscow, Eksmo (In Russian)

Prokopchuk, Iu. V. (2016). *Mirovozzrenie L. N. Tolstogo i duhovno-monisticheskaia filosofii P. P. Nikolaeva* [Tolstoy’s Worldview and P. P. Nikolaev’s Spiritual-Monistic Philosophy]. 272 p. Moscow, Original-maket. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete Works in 90 Volumes]. Moscow; Leningrad, Khudizhestvennaia literatura. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2021

Поступила в редакцию 15.05.2021

Прокопчук Юрий Владимирович,
кандидат исторических наук,
заведующий экскурсионно-методической
службой,
Государственный музей Л. Н. Толстого,
119034, Россия, Москва,
Пречистенка, 11/8.
prokopchuk17@mail.ru

Prokopchuk Yuri Vladimirovich,
Ph.D. in History,
Head of the Excursion and Methodological
Service,
State Museum of L. N. Tolstoy,
11/8 Prechistenka Str.,
Moscow, 119034, Russian Federation.
prokopchuk17@mail.ru